

Возвращаясь к исходным фактам

Краткая Правда представляет собой настолько «заинтерпретированный» текст, что исходные обстоятельства, с ней связанные, со временем потеряли значение фактов. Многие поколения исследователей оперируют всё нарастающим количеством предположений, гипотез и конъектур, как будто они-то и есть факты, практически никогда не прорываясь за пределы этого круга. Между тем, помнить факты необходимо.

КрП не просто чрезвычайно редкостный памятник – её текст уникален. Она дошла до нас всего в двух копиях: *Академическом* и *Археографическом* списках. Оба они представляют собой списки (соответственно – *Академический* (рукопись середины 1440-х гг.) и *Комиссионный* (рукопись середины XV в.))⁶⁷ *Новгородской первой летописи младшего извода*. Оба восходят к общему протографу начала XV в., а это с необходимостью ведёт к заключению, что (по крайней мере, в своём нынешнем виде) КрП возникает в единственном тексте начала XV в.

Это довольно странная традиция передачи для текста законодательного памятника, тем более сколько-нибудь важного (каким, несомненно, представляется КрП в историографии). КрП не засвидетельствована ни в одном сборнике светского или церковного права, в отличие от гораздо более многочисленных списков ПрП. Будучи предположительно на полтора века «старше» своего пространного двойника, КрП существует в списках, которые «моложе» на полтора столетия.

Древний составитель НПЛмл должно быть позаимствовал текст КрП из внелетописного источника, но отсутствие рукописной традиции делает это предположение маловероятным. Можно возразить (и возражают), что отсутствие развитой рукописной традиции не предопределяет однозначно суждение о доброкачественности или происхождении текста. Процент уцелевших домонгольских рукописей настолько ничтожен, что многие важные тексты дошли до нас в немногочисленных или даже единичных копиях. Так, к примеру, первая редакция *Хроники* Георгия Амартола сохранилась в единственном экземпляре (XIII в.), в то время, как списки второй редакции многочисленны. Подобным же образом старшая редакция *Новгородской первой летописи* сохранилась в единичном *Синодальном списке*, при несколько более благополучном количестве списков младшей редакции. Впрочем, насколько бы важными ни были эти и подобные примеры, они относятся только к нарративным текстам (а число этих рукописей никогда и не было значительным). Для законодательного памятника, по видимости имевшего длительную историю практического употребления, необходимо предполагать иную традицию передачи, как в смысле состава рукопи-

67 Клосс Б.Н. Предисловие к изданию 2000 года. ПСРЛ 3: vi-vii.

сей, так и их числа. Случайно ли, что приведённые выше в качестве возражений примеры как раз и доказывают, что модель передачи КрП соответствует именно нарративным, но не юридическим текстам?

Противоположное предположение – составитель НПЛмл заимствовал текст КрП из предшествующего новгородского летописного свода – наталкивается на отсутствие КрП во *всех* летописях до НПЛмл, в том числе и в старшем изводе НПЛ, *Синодальном списке* (по счастью, сохранившемся именно начиная со статьи 1016 г. Если бы утрата в *Синодальном списке*, упаси Бог, оказалась несколько больше, нет сомнения в том, что сегодня главным доказательством древности КрП было бы утверждение, что она действительно читалась в утраченной части летописи).

Иная аргументация в пользу КрП заслуживает того, чтобы кратко взвесить её основательность в этом месте. Летопись представляется идеальным «переносчиком» для КрП. Но если не летопись, какой иной тип «переносчика» можно было бы вообразить для КрП, если она и в самом деле существовала в XI в.? Можно предполагать, что, как юридический текст, теоретически КрП могла бы быть включена в состав *Кормчей книги*. Поскольку некоторые поздние редакции *Кормчих* имеют в своём составе ПрП, можно было бы думать, что пространная версия заменила собой некогда содержавшуюся там КрП. Это был бы удобный аргумент – ни одного списка *Кормчей* не сохранилось от XI в., а древнейший (*Ефремовская кормчая* XII в.) дефектен. В нём отсутствует окончание, то есть именно та часть, где, как мы бы ожидали, должна была находиться КрП. В XIII в. на Руси появляется новая, сербская редакция *Кормчей* (представленная *Рязанской кормчей*), но в ней, разумеется, было бы напрасно ожидать древнерусской КрП. К концу XIII в. создается т.н. «Русская кормчая» путём слияния сербской и древнеславянской (типа *Ефремовской кормчей*) редакций. Именно в некоторых последующих изводах этой русской редакции мы и находим *Пространную правду*. Учитывая всё это, энтузиаст КрП мог бы сконструировать следующий аргумент: древнеславянская *Кормчая* могла содержать КрП, но имеющиеся ранние свидетельства слишком фрагментарны и, к тому же, дефектны. К тому времени, когда появляются твёрдые свидетельства, *Кормчая* уже сделала выбор в пользу ПрП. Доказать отсутствие КрП в ранних *Кормчих*, таким образом, невозможно. Энтузиаст мог бы пойти ещё дальше и утверждать, что ничего странного в отсутствии ранней традиции КрП на самом деле нет – именно это отсутствие и есть намёком на древность.

Кормчая – сборник канонического права. Будучи собранием светского и княжеского законодательства, КрП выглядит довольно чужеродно в таком окружении. Древнейшая история *Кормчей* на Руси, как она восстанавливается новейшими исследователями, не предусматривает в ней места для КрП. Действительно, *Ефремовская кормчая* утратила окончание. Однако иные списки с неё, сделанные в то время, когда рукопись находилась ещё в исправном состоянии, свидетельствуют, что *Правды* (ни КрП, ни ПрП) в *Ефремовской кормчей* не было.⁶⁸ Так же не включала КрП и созданная в конце XIII в. русская редакция

⁶⁸ О Ефремовской кормчей и её списках см.: Шапов Я.Н. *Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв.* М., 1978, 40–48, 100–116.

Кормчей, как можно заключить по *Волынской* редакции. Я.Н. Щапов предложил следующий убедительный сценарий, призванный объяснить, как и когда *Правда* оказалась так включена в *Кормчую*. Согласно Щапову, это случилось в Новгороде в конце XIII в. и *Синодальная кормчая* 1282 г. (новгородского происхождения), собственно, и есть первой, включившей в свой состав ПрП. Впоследствии ПрП распространялась вместе со списками кормчих новгородского или псковского происхождения.⁶⁹ Включение светского законодательства в состав сборника церковного права исследователь объяснил специфическими условиями именно Новгорода, где – в отличие от иных земель Руси – архиепископ обладал обширными светскими прерогативами. Действительно, можно думать, что в это же время (т.е. в конце XIII–XIV вв.) в иных землях Руси, где соотношение между светской и духовной властью было иное, чем в Новгороде, ПрП входила в состав сборников светского права, подобных *Мерилу праведному*.

Таким образом, правдоподобность «сценария *Кормчей*» на самом деле кажущаяся. Настаивая на нём, нужно ответить на ещё один неприятный вопрос: в XV в., когда списки *Славянской кормчей* уже давно вышли из употребления и были заменены редакциями, содержащими либо текст ПрП, либо в них вовсе не было никакого текста *Правды*, откуда бы редактор НПЛмл мог позаимствовать свой текст КрП?⁷⁰

Итак. Если КрП когда-либо функционировала как актуальный свод законов и использовалась в судопроизводстве, *все* её списки оказались уничтожены. Если она была очень рано включена в летопись и передавалась в рамках летописной традиции, *все* летописи также оказались уничтожены.

Одним словом, если КрП и существовала до начала XV в. (а к этому времени её возраст исчислялся бы почтенными четырьмя сотнями лет), она не оставила *никаких* следов своего существования. Она возникла *ex nihilo* в начале XV в.

Обычно, текст с подобными рекомендациями должен был бы быть зачислен в разряд *spuria* и пребывать там до окончательного «установления личности». В любой критической дисциплине бремя доказательства было бы возложено на сторону, пытающуюся обосновать его древность.

Но всё дело в том, что КрП была открыта и попала в канон ещё до того, как концепция *spuria* проникла в российскую науку, и даже до того, как история в России превратилась во вполне научную дисциплину. Когда пришли университеты, университетские профессора и критическая историография, КрП уже была «на месте». Её легитимность никто не стал проверять.

Но чем, в сущности, является КрП для людей, не воспитанных в традициях российской науки? Не более, чем фрагментом летописи XV в. Представим себе на минуту, что НПЛмл была открыта не Василием Татищевым в начале XVIII в.,

69 Щапов Я.Н. *Византийское и южнославянское правовое наследие*, 221–224.

70 Нужно признать, что пространство для сомнения всё же существует. К сожалению, нам неизвестен ни один домонгольский сборник светского законодательства (даже в поздних копиях). Так что, строго говоря, неясно, как в XI–XIII вв. выглядели списки *Правды*. Наличие свидетельства позволяют только утверждать, как эти списки *не могли* циркулировать. Дальше – необозримый простор для домыслов.

но, скажем, столетием позже Павлом Строевым или даже двумя столетиями позже Алексеем Шахматовым. Каков оказался бы статус летописного фрагмента, отысканного в поздней и недавно введённой в оборот летописи? Университетскому профессору понадобилось бы всё его мужество, чтобы поставить на карту репутацию, утверждая, будто этот фрагмент – наиболее древний текст из когда-либо написанных в Восточной Европе. Поразительно, но современный профессор скорее упрочит свою репутацию, защищая идею, которая на интернет-форуме любителей-историков нисколько не выделялась бы экстравагантностью.